

Русскій Міръ 1875 №122

По поводу волненій въ Коканѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

5-го августа 1875 г.

Въ воскресномъ № «Русскаго Мира» мы сообщили важное извѣстіе о возстаніи Коканскаго ханства и бѣгствѣ хана Худо-

яра подъ прикрытіемъ русскаго конвоя и о нападении на этотъ конвой мятежниковъ.

Беспорядки въ Коканѣ не новость. Исторія коканскихъ хановъ представляетъ цѣль неурядицъ и заговоровъ. Династіи и ханы быстро смѣнялись въ Коканѣ при помощи киргизовъ или кипчаковъ. Чтобы уяснить себѣ значеніе настоящихъ беспорядковъ, мы коснемся только послѣдняго времени. Съ 1841 по 1845 годъ ханство было въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Ханъ Медали былъ казненъ на площади вторгнувшимися въ Коканъ бухарцами. Въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ ханы мѣнялись непрерывно, и нѣкоторые изъ нихъ управляли страной лишь по нѣсколькимъ днямъ. Наконецъ, въ 1845 году, ханствомъ завладѣлъ фактически старшина кипчаковъ и киргизовъ Мусульманъ-Куль и, объявивъ ханомъ малолѣтняго Худо-яра, правилъ ханствомъ самовластно. Достигнувъ зрѣлаго возраста, Худо-яръ пожелалъ прежде всего избавиться, по-азіатски, отъ своего опекуна и, воспользовавшись распрями узбековъ съ кипчаками (во главѣ послѣднихъ стоялъ Мусульманъ-Куль), принялъ сторону узбековъ. Мусульманъ-Куль былъ схваченъ и казненъ въ 1854 г. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ Худо-яръ самъ былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Молла-Бе-

комъ и бѣжалъ въ Бухару. Чрезъ три года былъ убитъ Молла-Бекъ, и ханомъ провозглашенъ Сармсакъ. Ханъ Сармсакъ былъ зарѣзанъ въ слѣдующемъ же году, и ханомъ провозглашенъ сынъ Молла-Бека — Мозафаръ. Въ теченіе этого времени изгнанный ханъ Худояръ съ бухарскими войсками три раза появлялся въ Коканѣ и грабилъ страну, но каждый разъ былъ отражаемъ. Наконецъ, когда Коканъ съ одной стороны выдерживалъ послѣднюю борьбу противъ Россіи въ 1865 году, бухарскій эмиръ вторгся въ страну со своими полчищами и окончательно разграбилъ и разорилъ Коканъ. Тутъ-то онъ и посадилъ снова ханомъ, какъ данника своего, Худояра. Худояръ, ненавистный всему населенію ханства и особенно кипчакамъ, главнѣйшимъ образомъ держался только тѣмъ значеніемъ, которое придала ему русская власть въ Ташкентѣ, оказывая ему покровительство.

Не такъ давно Коканское ханство владѣло значительною территоріею, но въ 1853 г. мы овладѣли Акъ-Мечетью, а въ 1864—66 годахъ Туркестаномъ, Ауліетою, Чимкепомъ, Ташкентомъ, Зачирчикскимъ краемъ и Ходжептомъ. Ханство ограничилось одною долиною Ферганы, окаймленною съ трехъ сторонъ почти недоступными отрогами Тянь-Шана, а съ четвертой прилегающею къ туркестанскому генераль-губернаторству. По всей длинѣ своей долина эта прорѣзывается рѣкою Нарыномъ, принимающимъ ниже впаденія въ него рѣку Джумгалъ, названіе Сыръ-Дарьи Рѣка Нарынъ, выходя изъ громадныхъ ледниковъ Тянь-Шана, питаетъ страну и даетъ ей жизнь, расходясь по безчисленнымъ аркамъ долины.

Горы, окружающія ханство, достигая высоты отъ 15 до 17 тыс. футовъ, мало доступны. Караваны проходятъ лишь по направленію къ Ташкенту и Ходженту, чрезъ Кураминскія горы, а съ другой

стороны чрезъ Терекъ-Тау на Кашгаръ. Всѣ остальные пути доступны только пѣшеходамъ да одиночнымъ всадникамъ.

Растительность въ Коканѣ крайне разнообразна и отъ южной, почти тропической у подножья горъ доходить до сѣверныхъ мховъ у линіи вѣчныхъ снѣговъ.

Народонаселеніе ханства состоитъ изъ *узбековъ* и *сартовъ*, составляющихъ городское и промышленное осѣдлое населеніе, и *киргизовъ*, отличающихся безпокойнымъ характеромъ и дорожащихъ своею независимостью. Кара-киргизы, владѣющіе горными проходами, ведущими въ Кашгаръ, играютъ особое значеніе въ ханствѣ. Все населеніе ханства крайне невелико; осѣдлое не превосходитъ 500,000 человѣкъ, а кочевое 200,000. Населеніе ханства состоитъ изъ элементовъ враждебныхъ и ненавидящихъ другъ друга: духовенство, сохраняющее за собою судебную власть, имѣетъ огромную силу, но нелюбимо народомъ; сарты стремятся къ сближенію или съ Бухарой, или съ Кашгаромъ; киргизы же и кичаки всегда составляютъ готовый матеріалъ для возстаній и всегда первые поднимаютъ знамя бунта. Все населеніе Кокана въ случаѣ войны не можетъ выставить болѣе 15,000 весьма дурно вооруженнаго и совсѣмъ необученнаго войска.

Въ Коканѣ во всѣ времена шла ожесточенная вражда между партіями изъ-за власти. Въ послѣднее время борьба ихъ еще болѣе усилилась вслѣдствіе интригъ Якуббека кашгарскаго, давно выжидающаго удобной минуты, чтобы овладѣть ханствомъ. По вторичномъ водвореніи на ханствѣ Худояра, онъ, желая по возможности примирить партіи, особенно приблизилъ къ себѣ Абдерахмана, сына имъ же казненаго Мусульманъ-Кула. Абдерахманъ получилъ придворное званіе, и на сестрѣ его женился ханъ; но это нисколько не удовлетворило перваго, и мы видимъ теперь, что, пріобрѣтая вліяніе на кичаковъ, онъ возмущилъ ханство.

Абдерахманъ всегда недружелюбно относился къ русскимъ и рѣзко порицалъ сближеніе съ нами хана.

Мы слышали, будто по поводу безпорядковъ въ ханствѣ предполагается двинуть нынѣ же (въ первыхъ числахъ августа) изъ Ташкента три батальона пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ казаковъ и артиллеріи. Конечно, занятіе Кокана не доставитъ нашимъ войскамъ большихъ трудностей, хотя городъ этотъ, имѣющій не менѣе 20 т. жителей, и обнесенъ стѣною въ $3\frac{1}{2}$ или 4 сажени вышины и 5 сажень толщины. Цитадель помѣщается въ центрѣ города съ цѣлью болѣе личной безопасности хана и его семейства, нежели для обороны города. Не большія трудности придется также преодолевать нашимъ войскамъ и при движеніи ихъ къ мѣсту дѣйствій. Изъ Ташкента въ Коканъ пролегаютъ три пути. Одинъ, самый дальній, но и самый удобный, ведетъ на Ходжентъ. Другой идетъ отъ Кереучи и Джамбулака; онъ неудобенъ для движенія войскъ, пролегая по мѣстности пежилой и лишенной топлива. Третій путь, самый кратчайшій, идетъ изъ Ташкента на Той-Тюбе и Телу, на ущелья Кендырское и Кумбиль къ переправѣ на Сыръ-Дарью у Чильграма, По этому пути караваны проходятъ отъ 5 до 7 дней. Весьма вѣроятно, что въ самомъ непродолжительномъ времени мы узнаемъ официальные новости о новой драмѣ, издавна подготовлявшейся событіями на нашемъ крайнемъ юго-востоку.

Къ чему бы ни привели дальнѣйшія событія на среднеазіатскихъ окраинахъ нашихъ, нельзя не пожелать такого исхода, чтобы мы избавлены были отъ занятія Кокана. Занятіе это невыгодно будетъ для насъ по двумъ причинамъ: въ финансовомъ отношеніи оно послужитъ къ увеличенію расходовъ, а въ военно-политическомъ приведетъ въ непосредственное соприкосновеніе

съ мало - доступною обширною горною
 страпою Гималая, населенною враждеб-
 ными намъ племенами, и грозить намъ въ
 недалекомъ будущемъ вторымъ Кавказомъ.
 Намъ кажется, что ближайшею нашею задачею
 въ Средней Азіи должно быть сближеніе этой
 окраины съ Россіей чрезъ Бухару, Хиву и
 Красноводскій заливъ, съ тѣмъ чтобы ба-
 зисомъ нашихъ дѣйствій былъ Кавказъ съ
 его постоянно готовою къ дѣйствию арміей,
 а не восточныя степи Россіи и малонасе-
 ленная Сибирь. Поэтому, если намъ пред-
 стоятъ новыя пріобрѣтенія въ Средней
 Азіи, то они должны быть дѣлаемы, какъ
 мы полагаемъ, не къ сторонѣ Индіи, а къ
 сторонѣ Кавказа.

Русскій Міръ 1875. № 125.

По поводу волненій въ Коканѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

8-го августа 1875 г.

Волненія въ Коканскомъ ханствѣ и передвиженіе туда войскъ съ цѣлью усмиренія мятежа заставляютъ насъ обратиться къ отношеніямъ, установившимся въ последнее время между коканскимъ ханомъ и русскою властью въ Средней Азіи. Эти

отношенія, конечно, будутъ служить руководствомъ для предстоящихъ дѣйствій въ этомъ краѣ.

Прибытіе генерала Кауфмана въ Ташкентъ заставило коканскаго хана опасаться перемѣны нашей политики. Худояръ опасался окончательнаго движенія русскихъ войскъ на Коканъ и занятія ими ханства. Послѣ того, какъ двѣ трети онаго были заняты предмѣстниками генерала Кауфмана, ханъ немедленно отправилъ посла съ письмомъ, въ которомъ высказывалъ свои миролюбивыя намѣренія. Начались переговоры. Условіями сохраненія мира генералъ Кауфманъ предложилъ слѣдующія пять статей: 1) русскіе купцы имѣютъ право посѣщать всѣ города ханства; 2) учреждать караванъ-сарай гдѣ пожелаютъ; 3) во всѣхъ городахъ ханства имѣть караванъ-башей; 4) должны быть уравнены въ пошлинахъ съ мусульманами; 5) имѣть свободный пропускъ въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія. Ханъ объявилъ на это, что онъ не можетъ согласиться на 1-й и 5-й пункты и домогался разрѣшенія послать посольство въ Петербургъ, дабы вести переговоры тамъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ письмо отъ генерала Кауфмана, отъ 29 января 1868 года, слѣдующаго содержанія: «Ве-

ликій Русскій Царь никогда не дозволить, чтобы въ сопредѣльныхъ съ нами государствахъ было разногласіе между ханами и народомъ. Ваше высокостепенство пишете, что не можете отвѣчать за проступки нѣкоторыхъ вашихъ подданныхъ въ отношеніи къ русскимъ торговцамъ. Отвѣчу вамъ на это: или они должны исполнять ваши повелѣнія, или они не признаютъ вашего главенства надъ ними. Народъ долженъ имѣть главу надъ собою. Тѣ изъ жителей, которые вопреки вашихъ повелѣній нанесутъ вредъ русскимъ купцамъ, должны будутъ подчиниться моимъ распоряженіямъ. Я не могу допустить въ сосѣдствѣ своевольныхъ жителей. Общее спокойствіе требуетъ подчиненія либо вашей, либо моей власти *)». Одному изъ пословъ хана въ то же время было замѣчено, что ничего нѣтъ легче, какъ занять Коканъ русскими войсками: стоить только отдать приказаніе двинуться туда. Ханъ Худояръ изъявилъ полную покорность, подписалъ 24 февраля условія и съ тѣхъ поръ началъ самъ искать опоры въ русской власти и на ней думалъ основать свое безграничное самовластіе въ ханствѣ.

Весною того же года начались военные дѣйствія съ Бухарой и былъ занятъ Самаркандъ — городъ, считающійся у мусульманъ священнымъ. Коканское духовенство и народъ живо сочувствовали Бухарѣ, но ханъ съ свойственною азіатамъ проницательностью придерживался союза съ Россією, выславъ пословъ поздравить русскія войска съ побѣдою. Послѣдствія оправдали политику хана. Бухара была сокрушена и потеряла лучшую часть своего ханства. Въ вознагражденіе Кокана коканскій посолъ, извѣстный Мирза-Хакимъ, былъ допущенъ въ Петербургъ и удостоился быть представленнымъ Государю Императору 2 ноября 1868 г. Коканскій ханъ получилъ орденъ св. Станислава 1 степени, осыпанный брилліантами. Ханъ былъ крайне обрадованъ этою милостью и объявилъ о ней на всемъ пространствѣ ханства.

Съ этого времени начались вассальныя отношенія Кокана къ Россіи. Каждое требованіе, предъявленное со стороны туркестанскаго генераль-губернаторства, ханъ считалъ для себя безусловно обязательнымъ. Такъ ханъ немедленно согласился на уступку Каратегина—владѣній, лежащаго между Коканомъ и Бухарою и бывшаго спорнымъ—прежнему владѣтелю этого бекства, Музаффаръ-шаху. Точно также ханъ далъ немедленное удовлетвореніе, когда подвластные ему горцы напали на нашъ рекогносцировочный отрядъ (подъ начальствомъ подполковника Деннета), осматривавшій путь въ долину Зарявшана. По одному требованію ташкентскаго генераль-губернатора ханъ выслалъ въ Ташкентъ бѣжавшихъ шахри-сябскихъ бековъ Джура-бія и Баба-бія, что совершенно противорѣчило исконнымъ обычаямъ мусульманскаго міра. Въ 1871 и 1872 гг. ханъ Худояръ взялся даже быть поставщикомъ провіанта для войскъ, расположенныхъ въ Ходжентѣ, Уратюбе и Нау и выполнилъ принятое на себя обязательство весьма добросовѣстно. Неоднократныя миссіи, посылавшіяся изъ Ташкента въ Коканъ, всегда находили у хана самый ласковый пріемъ.

Въ послѣднее время безпрестанныя возстанія киргизовъ и кипчаковъ заставляли хана обращаться за помощію въ Ташкентъ, но въ помощи этой ему было отказываемо.

Бѣгство хана изъ своихъ владѣній послужить поводомъ къ общимъ безпорядкамъ въ ханствѣ. Въ настоящее время еще неизвѣстно, какой системѣ успокоенія Кокана придержится генераль Кауфманъ, но намъ извѣстно, что въ средѣ ташкентскихъ властей есть не мало людей, стоящихъ за простое присоединеніе ханства къ Россіи, въ видахъ примкнутія границы къ спѣговому хребту. Нужно ли говорить, что занятіе ханства не можетъ составить большаго затрудненія? Но вопросъ не въ этомъ, а въ послѣдствіяхъ этого занятія.

послѣдствіяхъ этого занятія.

Средства, предоставленныя правительствомъ туркестанскому генераль-губернатору, весьма велики. Извѣстно, какія ничтожныя силы требовались для завоеванія края; между тѣмъ, съ теченіемъ времени, число войскъ постоянно увеличивалось и дошло уже до значительной цифры. Теперь въ этомъ краѣ по спискамъ числится 10 генераловъ, 704 штабъ и оберъ-офицера, 530 классныхъ военныхъ чиновниковъ и 25,830 нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ, да кромѣ того состоитъ на дѣйствительной службѣ 7,000 казаковъ отъ Семирѣченскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго и Уральскаго войскъ.

Нельзя не согласиться, что эти силы болѣе нежели достаточны, чтобы поддержать миролюбивое настроеніе туземцевъ края и поставить отношенія къ ханствамъ въ такое положеніе, чтобы государство нимало не было озабочено въ настоящее время событіями въ Средней Азіи, когда разыгрывающееся возстаніе въ Турціи готово приковать къ себѣ все наше вниманіе, затрогивая такіе интересы, которые касаются исторической задачи русскаго народа.

Русскій Миръ 1871.

№№ 157, 158 и 160.

О ПРОИСШЕСТВІЯХЪ ВЪ КОКАНѢ.

11-го іюля чиновникъ по дипломатической части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Вейнбергъ, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Скобелевымъ, коканскимъ уполномоченнымъ Мирзою-Хакимомъ-перваначи и конвоемъ изъ 22 казаковъ и 6 джигитовъ, былъ командированъ въ Коканъ для исполненія дипломатическихъ порученій. 13-го іюля всѣ вышепоименованные лица достигли Кокана, гдѣ чрезъ два дня представлялись хану. При нихъ же слѣдовалъ молодой родственникъ хана, Абду-Керимъ-бекъ, выданный коканскому правительству, согласно распоряженію генераль-губернатора, за принятое имъ участіе въ возмущеніи киргизовъ противъ коканскаго хана. А. А. Вейнбергъ передалъ хану письмо генераль-губернатора и заявилъ ему также словесно, что «туркестанскій генераль-губернаторъ надѣется на полное помилованіе Абду-Керимъ-бека, провинившагося предъ ханомъ по молодости и неопытности». Ханъ, безъ всякихъ отговорокъ, согласился на это предложеніе: онъ приказалъ надѣть своему молодому родственнику почетный халатъ и поручилъ его попеченію Атабека-намба.

На поѣздку полковника Скобелева по ханству съ цѣлью его изслѣдованія ханъ также изъявилъ полное свое согласіе, снабдилъ полк. Скобелева палаткой и назначилъ 20 человѣкъ джигитовъ для сопровожденія въ предѣлахъ ханства. При этомъ Худояръ, однако, предупредилъ, что мѣстность за Ушемъ не безопасна

вслѣдствіе волненія кочеваго населенія, вызваннаго появленіемъ на каратегинской границѣ племянника хана, Назаръ-бека, бѣжавшаго изъ Бухары, и прошлогодняго претендента на Чаткаль, Сеидъ-Фуладъ-хана, въ окрестностяхъ Узгента. Противъ этихъ шаекъ были высланы три отряда подъ начальствомъ Исса-Ауліе, Абдурахмана-афтобачи и Сарымсака-ишикъ-агаси, всего до четырехъ тысячъ, человекъ. Чтобы очертить послѣдовавшія затѣмъ событія, мы приведемъ подлинный рапортъ колл. сов. Вейнберга.

«Черезъ два дня послѣ представленія, пишетъ г. Вейнбергъ, пришло тревожное извѣстіе, весьма скоро подтвердившееся, что Исса-ауліе и Абдурахманъ, съ ввѣренными имъ отрядами, перешли на сторону мятежниковъ и намѣрены дѣйствовать наступательно противъ хана. Не смотря на столь грозный слухъ, полковникъ Скобелевъ сталъ готовиться къ дорогѣ и намѣренъ былъ выступить 18 іюля для выполненія возложеннаго на него порученія. Я съ своей стороны считалъ долгомъ испросить у хана частную аудіенцію, во время которой передалъ Худояръ-хану словесное порученіе генералъ-губернатора касательно образа дѣйствій хана съ подвластными ему кочевниками и народомъ.

Ханъ былъ видимо озабоченъ дурными вѣстями изъ провинцій, но все-таки хотѣлъ скрыть настоящее положеніе дѣлъ и увѣрялъ, что безпорядки въ ханствѣ никогда не имѣли серьезнаго характера, а скорѣе походили на мелкіе грабежи и разбои, свойственные всякому кочевому населенію. Онъ нѣсколько разъ подтверждалъ, что любитъ и уважаетъ генералъ-губернатора и не видитъ переменъ въ его образѣ дѣйствій; въ случаѣ же необходимости, не только готовъ посоветоваться съ нимъ о мѣрахъ къ подавленію безпорядковъ, но и позволить себѣ просить помощи. Вообще же замѣтна была большая уступчивость во всѣхъ отвѣтахъ хана; онъ говорилъ мягко и осторожно, и находился, видимо, подъ впечатлѣніемъ дурныхъ извѣстій.

Событія не заставили себя ждать: 19-го въ Коканѣ сдѣлалось извѣстно о переходѣ Хана заде-Насръ-Эддинъ-бека на сторону инсургентовъ и о занятіи ими городовъ: Уша, Намангана, Андиждана и Ассакѣ. Душою инсurreкціоннаго движенія явился смѣлый кичакъ Абдурахманъ - афтобачи, сынъ Мусульманъ - Кула. Ханъ тогда же сообщилъ намъ, что афтобачи намѣренъ былъ придать этому движенію характеръ священной войны противъ русскихъ. Я тогда сильно сомнѣвался въ истинѣ подобнаго заявленія, но послѣдовавшія затѣмъ событія заставили меня вѣрить во враждебное къ намъ настроеніе народа и войска.

Въ виду всеобщаго возстанія и пресѣченія главныхъ путей сообщенія, полковникъ Скобелевъ рѣшился отложить свою поѣздку до болѣе благопріятнаго времени.

Вольс пользовавшисъ своимъ пребываніемъ въ Коканѣ, полковникъ Скобелевъ снялъ планъ всей оборонительной линіи города, кромѣ того онъ часто объѣзжалъ городъ, какъ одинъ, такъ и со мной, для наблюденія нравственнаго настроенія населенія.

Извѣстіе о приближеніи инсургентовъ сильно повліяло на жителей: базары затворялись, товары перевозились въ болѣе отдаленныя отъ центра города мѣста, на всѣхъ перекресткахъ видны были дуваны (юродивые) и дервиши, проповѣдывавшіе народу; но рѣчь ихъ была не слышна, — подѣзжать же къ образовавшимся около юродивыхъ кучкамъ было неудобно. Жители покупали оружіе, и вся масса имѣла видъ озабоченный и встревоженный. Кромѣ шорныхъ, оружейныхъ и кузницъ, все было закрыто.

На возвратномъ пути отъ дворцовой площади мы встрѣтили Мулла-Мааруфа Сохскаго бека, во главѣ пятисотеннаго отряда, идущаго на соединеніе съ ханомъ.

20 числа пришло извѣстіе о переходѣ правителя Маргилана, брата хана, Султанъ-Мурадъ-бека, на сторону мятежниковъ, о занятіи бунтовщиками г. Маргилана и о движеніи ихъ на Алты-арыкъ въ 7 ташахъ отъ Кокана. Волненіе въ городѣ все усиливалось и ходили слухи, что мятежники намѣрены разграбить базары и напасть на насъ. Ханъ, пораженный столь грозными вѣстями, рѣшился тогда оставить Коканъ, въ которомъ не могъ разсчитывать на симпатію народа.

Посовѣтовавшисъ съ полковникомъ Скобелевымъ, я нашелъ, что мѣсто наше должно быть при законномъ, признанномъ Государемъ Императоромъ, владѣтелѣ Кокана. Въ городѣ оставаться намъ были невозможно, вѣдѣтвіе возбужденнаго состоянія народа, да и кромѣ того мы не знали, какой оборотъ могутъ принять дѣла по вступленіи инсurreкціоннаго войска въ Коканъ. Законный ханъ рѣшился оставить городъ и я не считалъ себя въ правѣ оставаться послѣ этого въ Коканѣ и входить въ какія бы то ни было сношенія съ мятежниками.

При этомъ, однако, я просилъ полковника Скобелева, принявшаго начальство надъ сопровождавшимъ насъ взводомъ казаковъ, воздержаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ и не считать насъ союзниками хана до полученія отвѣта на мое донесеніе и на письмо хана, въ которомъ онъ отдавалъ себя и ханство свое подъ высокое покровительство Государя Императора и просилъ объ оказаніи ему помощи вооруженною силою.

Выѣздъ хана былъ назначенъ на 22-е іюля, а 21 числа вечеромъ всѣ находившіеся при насъ ханскіе джигиты неожиданно оставили нашъ домъ, похитивъ при этомъ часть посуды. Такимъ образомъ квартира наша въ домѣ Мирзы-Хакима - перваначи осталась безъ всякой защиты правительственныхъ войскъ и находилась единственно подъ охраной горсти русскихъ.

Всю ночь гулъ стоялъ надъ городомъ; отъ времени до времени слышались звуки барабановъ и звонкіе сигнальные рожки. Поднявшись съ зарею А. А. Вейнбергъ и полковн. Скобелевъ узнали, что половина находившагося въ городѣ ханскаго войска (около 4,000 человѣкъ пѣхоты), вмѣстѣ со вторымъ сыномъ хана, Мухамедъ-Амидъ-бекомъ, въ эту ночь также удалились изъ столицы, для присоединенія къ возставшимъ.

Наканунѣ еще находящіеся въ городѣ русскіе подданные, были предупреждены, что посольство оставляетъ Коканъ, вмѣстѣ съ ханомъ; предложено имъ присоединиться къ намъ. Четыре человѣка русскихъ купцовъ: довѣренныя (двухъ фирмъ Пупышевыхъ, Быковского, Коншина, австрійскій подданный Мауеръ и одинъ татаринъ, — довѣренный братьевъ Каменскихъ, всего девять человѣкъ, съ прислугой, немедленно воспользовались этимъ предложениемъ. Остальные же мусульмане, русскіе подданные, остались въ Коканѣ.

Для выступленія нашего требовались арбы, которыя съ трудомъ можно было достать, и то въ недостаточномъ количествѣ; вмѣсто семи, мы достали только три арбы, такъ, что арбяныя лошади наши съ трудомъ двигались впередъ.

Предъ выступленіемъ я отправилъ джигита съ телеграммой къ генераль-губернатору и съ письмомъ къ военному губернатору Сырдарьинской области; джигитъ этотъ былъ перехваченъ въ Канабадамѣ, арестованъ и корреспонденція отнята, самъ же онъ спасся, бѣгствомъ, пѣшкомъ въ Ходжентъ.

Въ этотъ день передовой отрядъ Абду-Рахмана, афтобачи дошелъ до уроч. Карауль-Тепе, въ трехъ тамахъ отъ Кокана.

Въ 10 часовъ утра того же числа, ханъ намѣревался двинуться изъ города, и намъ необходимо было рѣшить — пойдѣмъ ли мы изъ дома Мирзы-Хакима на соединеніе съ Худояромъ, на дворцовую площадь, или же оставимъ городъ одни, изъ ближайшихъ воротъ. Посоветовавшись съ полковникомъ Скобелевымъ, мы нашли болѣе совмѣстнымъ съ русскимъ именемъ и честью, придерживаться перваго порядка выступленія, а потому вмѣстѣ съ русскими купцами двинулись чрезъ людныя улицы и базары ко дворцу хана. На встрѣчу намъ шло ханское войско: пѣхота и кавалерія, направлявшаяся на позицію, внѣ города; артиллерія уже была отправлена впередъ еще рано утромъ.

Войска двигались по серединѣ улицы, по обѣимъ же сторонамъ стоялъ шпалерами народъ, вооруженный батиками, палками и съ камнями въ рукахъ. Приходилось проходить по одному, весьма медленно подвигаясь впередъ и останавливаясь чрезъ каждые 15—20 шаговъ

Недалеко отъ дворцовой площади народъ и войско до того скучились, что невозможно было двигаться. Мы остановились. Одинъ изъ проходившихъ мимо насъ, съ отрядомъ кавалеріи, юзъ-баша, посмотрѣвъ въ нашу сторону, съ улыбкою проговорилъ: «проходите, проходите; мы потомъ со всѣхъ васъ снимемъ головы». Въ этотъ же моментъ за мной послышался голосъ полковника Скобелева, просившій меня скорѣе двинуться впередъ. Воспользовавшихся небольшимъ интерваломъ между войскомъ и народомъ я проѣхалъ впередъ, и вскорѣ всѣ мы вытянулись на площадь и выстроились предъ ханскимъ дворцомъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что причина, побудившая полковника Скобелева къ скорѣйшему движенію впередъ, на площадь, заключалась въ столкновеніи, происшедшемъ между казакомъ и однимъ изъ жителей. Коканецъ ударилъ казака палкой, а послѣдній взялся за шашку; но къ счастью, полковникъ Скобелевъ остановилъ во время казака, и вышелъ изъ тѣснаго прохода.

Вскорѣ по прибытіи русскихъ на площадь выѣхалъ ханъ изъ дворца, въ сопровожденіи Ата-бека-наиба, Мирзы-Хакима-перваначи, Моллы-Мааруфа и небольшой свиты. Владѣтель Кокана, оставлявшій свой родовой замокъ, былъ, повидимому, спокоенъ. Онъ съ четверть часа простоялъ подъ сводомъ главныхъ воротъ, отдавая послѣднія приказанія; послѣ чего сѣлъ на коня и поѣздъ двинулся.

Изъ города вышли въ Муй-Мебарекскія ворота. Народъ, стоявшій по-прежнему на пути большими массами, не рѣшался предпринять открыто что либо враждебное; но изъ толпы раздавались голоса, предсказывавшіе всѣмъ путь въ могилы.

Ханъ, въ случаѣ крайности, вѣроятно уже тогда предрѣшилъ двинуться къ русской границѣ, но не рѣшался направиться на ворота Катта-Газы-Алыкъ, ведущія на махрамскую дорогу, изъ опасенія, что народъ его не выпуститъ. Когда же онъ пошелъ на Муй-Мебарекъ, то всѣ полагали, что ханъ идетъ на позицію, съ цѣлью выждать тамъ мятежниковъ и сразиться съ ними. Очень можетъ быть, что Худояръ-ханъ и рѣшился бы на подобный бой, если бы не былъ оставленъ въ 8 верстахъ отъ Кокана, самымъ постыднымъ образомъ, своею арміею со всею артиллеріею.

По выходѣ изъ Муй-Мебарекскихъ воротъ мы пошли по ровной луговой мѣстности, пересѣченной быстрыми ручьями. Справа тянулись изгороди садовъ.

Чрезъ пять верстъ характеръ мѣстности измѣнился; галька и песокъ замѣнили травяной коверъ, и, пройдя еще версты три, мы остано-

вились у опушки кустарника, на позиціи Гау-Хане. Шестьдесятъ восемь орудій разнаго калибра, въ числѣ которыхъ были четыре орудія, заряжающіяся съ казенной чести, около 4,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи составляли силы хана коканскаго.

Во время дороги сопровождавшіе насъ русскіе подданные передали намъ, что жители Бишъ-арыка не выпускаютъ находящагося тамъ купца Арзамасцева съ женой. По прибытіи въ упомянутый кишлакъ, ханъ, вслѣдствіе просьбы нашей, приказалъ исправлявшему должность мехтера, Мирзѣ-баши Хатемъ-баю, взять нѣсколько джигитовъ и привести Арзамасцева. Мирза-баши отправился въ кишлакъ; чрезъ нѣсколько времени въ сторонѣ слышались выстрѣлы, и прискакавшіе джигиты объявили, что на Хатемъ-бая произведено нападеніе, что онъ убитъ и ограбленъ.

Впослѣдствіи оказалось, что никто и не думалъ нападать на Мирзу-баши, а что онъ просто бѣжалъ и ускакалъ въ Коканъ. Купецъ же Арзамасцевъ съ женой три дня передъ тѣмъ оставилъ Бишъ-арыкъ и выѣхалъ въ Ходжентъ.

Часто отставали ханскія арбы и командировались люди для отысканія свѣжихъ лошадей. Обыкновенно люди эти уже не возвращались, и разграбивъ находившееся на арбахъ имущество, отправлялись обратно въ Коканъ.

Не надѣясь также нисколько на благонадежность ѣхавшихъ предъ нами ханскихъ конныхъ джигитовъ, которые во всякій данный моментъ могли броситься на насъ, мы, по выходѣ изъ Бишъ-арыкскихъ садовъ въ степь, перешли изъ арьергарда въ сторону, и держались все время, до русской границы, въ ста саженьяхъ отъ хана. Мы шли всю ночь, хотя весьма тихо, но безостановочно и спокойно: погони за нами не было. Миновавъ небольшой кишлакъ Фатаръ, въ 2½ ташахъ отъ Бишъ-арыка, мы послѣ разсвѣта подошли къ кишлаку Шахитъ-Мазаръ (въ 25 верстахъ отъ Мехрама). Пройдя этотъ кишлакъ часовъ въ 7 утра, въ арьергардѣ хана, мы слышали крики и живую перестрѣлку. Вскорѣ къ намъ подскочилъ одинъ изъ приближенныхъ хана и объявилъ, что погоня настигла; причемъ онъ со слезами на глазахъ молилъ отрядить половину казаковъ на помощь хану.

Находя невозможнымъ раздѣлить и безъ того небольшія силы, мы просили передать хану, что если онъ желаетъ быть подъ нашей защитой, то пусть подѣзжаетъ къ намъ. Сами же мы остановились и выбрали удобное мѣсто для спѣшиванія.

Посланный вернулся къ владѣтелю Кокана и скорѣ возвратился съ просьбой хана, не отказать принять подъ нашу защиту по крайней мѣрѣ семью его и младшаго сына Урманъ-бека. Пропустивъ мимо арбы съ женами хана, а

также и Урманъ-бека, мы сомкнулись за ними арьергардомъ. Замѣчательный фактъ! ханъ семейство свое охотнѣе довѣрялъ защитѣ горсти русскихъ, чѣмъ охранѣ собственныхъ своихъ джигитовъ!

Послѣ пропуска чрезъ нашъ отрядъ семейства хана, крики и перестрѣлка еще продолжались, но ничего серьезнаго не произошло. Вслѣдъ за этимъ полковникъ Скобелевъ скоман-

довалъ взводу налѣво кругомъ и съ нѣсколькими казаками въѣхалъ на песчаный барханъ, чтобы показать преслѣдователямъ бѣлыя фуражки и русскіе мундиры; послѣ чего мы двинулись впередъ, тихимъ шагомъ и съ нѣсиями. Люди пробыли безъ пищи 36 часовъ въ сѣдлѣ, изъ которыхъ 6 часовъ они отступали подъ непрерывнымъ огнемъ, тѣмъ не менѣе они шли бодро. Такова сила обаянія распорядительнаго начальника, умѣющаго вселить къ себѣ довѣріе и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ бодрый духъ; такимъ именно и явилъ себя М. Д. Скобелевъ въ этомъ случаѣ. Купцы наши также держали себя хорошо. Полковникъ Скобелевъ предложилъ имъ, въ случаѣ всеобщаго спѣшиванія, держать лошадей.

Послѣ этой послѣдней попытки, преслѣдованіе прекратилось и мы благополучно достигли Мехрама. Крѣпость эта была покинута бекомъ который также бѣжалъ въ Коканъ.

Ханъ во всю дорогу не хотѣлъ дать рѣшительнаго отвѣта, перейдетъ-ли онъ русскую границу или нѣтъ? Онъ, повидимому, все еще надѣялся на увеличеніе его партіи отрядами окрестныхъ бековъ и сельскими жителями; но онъ въ расчетахъ ошибся. Люди массаами уходили отъ Худояръ-хана, и никто не присоединялся къ нему.

Во время слѣдованія къ Мехраму, Ата-бекъ спросилъ полковника Скобелева: нельзя ли будетъ вернуться на Коканъ, если русскія войска встрѣтятъ насъ въ Мехрамѣ. Полковникъ Скобелевъ возразилъ, что войска посланы собственно для нашей защиты, и что дальнѣйшая судьба ханства зависить отнынѣ отъ рѣшенія генераль-губернатора.

Въ Мехрамѣ я заявилъ хану, что миссія наша кончена; мы были посланы генераль-губернаторомъ къ владѣтелю Кокана и остались съ нимъ до послѣдней коканской крѣпости. Далѣе я заявилъ ему, что мы, окончивъ свое дѣло, удаляемся въ русскіе предѣлы, а потому просимъ его сообщить какъ онъ намѣренъ поступить: броситься ли въ крѣпость Мехрамъ, или же ожидать въ чистомъ полѣ непріятеля? Ханъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ Мехрамѣ оставаться не намѣренъ, и поѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ Ходжентъ.

Оставивъ Мехрамъ, въ полдень, мы къ закату добрались до русскаго кишлака Испесаръ, въ 8 верстахъ отъ котораго мы были встрѣчены помощникомъ ходжентскаго уѣзднаго на-

чальника, капитаномъ графомъ Девіеромъ съ 20 стрѣлками, посаженными на лошадей. Летучему отряду этому предписано было соединиться съ нами какъ можно скорѣе. Въ самомъ кишлакѣ находился 7-й линейный батальонъ и дивизіонъ артиллеріи; весь отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Савримовича.

При этомъ считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что войска Ходжентскаго уѣзда собрались съ необыкновенною быстротою, въ продолженіи 3 часовъ времени, и что вѣсть объ этомъ, навѣрно во время дошедшая до мятежниковъ, содѣйствовала къ превращенію преслѣдованія около Мехрама.

Переночевавъ въ 12 верстахъ отъ Ходжента, въ кишлакѣ Испесарѣ, ханъ, 24 іюля, послѣ полудня, прибылъ въ Ходжентъ и помѣстился въ домѣ начальника уѣзда, гдѣ его ожидали почетный караулъ и военная музыка. Народъ въ кишлакѣ и городѣ принималъ хана довольно сочувственно, и хотя большихъ массъ по улицамъ не собиралось, такъ какъ Худоярханъ, согласно выраженному имъ желанію, былъ проведенъ въ приготовленную для него квартиру не базарами, а окольнымъ путемъ,—краемъ города.

Послѣднія неожиданныя событія сильно повліяли на нравственное и физическое состояніе хана. По пріѣздѣ въ Ходжентъ, онъ чувствовалъ себя совершенно нездоровымъ и перѣхалъ изъ дома Ходжентскаго уѣзднаго начальника, барона Нольде, на женскую половину въ мусульманскомъ помѣщеніи, недалеко отъ берега Дарьи.

Вмѣстѣ съ ханомъ прибыли въ Ходжентъ младшій сынъ его Урманъ-бекъ, Ата-бекъ-наибъ, Сохскій бекъ, бывшій прежде въ Мехрамѣ, Мулла-Мааруфъ, племянникъ хана, и 643 человека свиты; изъ нихъ 350 человекъ вооруженныхъ людей, остальные же женщины, прислуга и перевозчики тяжестей. Изъ числа послѣднихъ до 40 арбакашей возвратились обратно въ Кокантъ.

Во время всего 140 верстнаго отступленія, подъ огнемъ мятежниковъ, казаки, переводчики, купцы и джигиты наши держали себя съ примѣрнымъ мужествомъ и стойкостью.

Потери наши состоятъ изъ 2-хъ убитыхъ и 1-го безъ вѣсти пропавшаго джигита, казаковъ раненыхъ не было. У хана убито 8 человекъ и ранено 9.

ИЗВѢСТІЯ.

I.

По извѣстіямъ изъ отряда, эшелоны постепенно стягиваются къ Ходженту. 11 числа въ

эшелону барона Аминова прибылъ командующій войсками, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ. Шайка, разбитая и уничтоженная подполковникомъ Елгаштинымъ съ его сибирскими казаками, находилась въ горахъ, въ долину Ангрена, между Кара-Китаемъ и Тилау. Эта коканская шайка находилась подъ начальствомъ Зульфа-кара-бека-датхи, командовавшего прежде пяти тысячною шайкой, разбитой генераломъ Головачевымъ; послѣ пораженія своихъ скопищъ, Зульфакаръ собралъ новую шайку, но только уже изъ 800 человекъ, съ которыми онъ и появился вновь въ долину Ангрена. Эту-то шайку и уничтожилъ, отправленный на поискъ генераломъ Головачевымъ — подполковникъ Елгаштинъ. Такимъ образомъ сибирскимъ казакамъ, въ настоящемъ походѣ, первымъ выпала честь выслѣдить непріятеля и нанести ему рѣшительный ударъ.

Казаки полковника Скобелева прошли изъ Ташкента на Куйлюкъ, горный кишлакъ Новишъ и отсюда къ Кара-су, сдѣлавъ въ 2 дня 175 верстъ, изъ которыхъ 50 верстъ трудной горной дорогой. По осмотру командующимъ войсками возвратившагося летучаго отряда полковника Скобелева, люди найдены вполне бодрыми и нисколько не утомленными труднымъ переходомъ, а лошади — все въ тѣлѣ. Во всемъ отрядѣ не оказалось ни одной испорченной лошади. Полковникъ Скобелевъ нашелъ, что населеніе сѣверо-восточной части уѣзда совершенно спокойно занимается полевыми работами и изъявляетъ полное довѣріе къ своему начальству. То же подтвердилъ и адъютантъ командующаго войсками, полковникъ фонъ-Адеркасъ, который проѣхалъ верхомъ съ двумя джигитами, изъ Аулиеата къ Кара-су, и нигдѣ на пути своемъ не видѣлъ и признаковъ волненія или какихъ-либо безпорядковъ.

13 августа генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ находился съ эшелономъ барона Аминова въ Пскентѣ, а генераль-лейтенантъ Головачевъ въ Тилау. Главныя силы коканцевъ находятся, по слухамъ въ Исесарѣ, (на коканской границѣ, близъ Ходжента).

Изъ полученнаго 15 августа сообщенія изъ главной квартиры дѣйствующаго отряда, видно, что отрядъ генераль-лейтенанта Головачева стянулся къ кишлаку Карызъ, въ 12 верстахъ отъ Пскента; соединеніе обоихъ отрядовъ послѣдуетъ на Джанъ-булакъ, (въ 2 переходахъ отъ Пскента), гдѣ, по слухамъ, сосредоточилась сильная шайка. Коканскіе летучіе отряды держатся обыкновенно въ горахъ и трудно доступныхъ ущельяхъ и выходятъ оттуда на долины рѣкъ Чирчика и Ангрена, только въ томъ случаѣ, когда лазутчи-

ки и выставленные по всѣмъ возвышенностямъ наблюдательные посты извѣстятъ ихъ о совершенной безопасности отъ русскихъ отрядовъ.

II.

Отъ начальника Ходжентскаго уѣзда, подполковника барона Нольде, получены слѣдующія извѣстія о бывшемъ нападеніи кокандцевъ на Ходжентъ.

Доходившіе до подполковника барона Нольде разные тревожные слухи заставили его, еще 8 августа принять мѣры на случай нападенія кокандцевъ на Ходжентъ. Между другими мѣрами, главнѣйшая состояла въ выставленіи войскъ за садами, по дорогѣ ведущей изъ Кокана и у моста черезъ Сыръ-Дарью.

Вечеромъ 8 августа баронъ Нольде получилъ достовѣрное свѣдѣніе о переходѣ кокандскихъ партій на правый берегъ Сыра и о занятіи ими сел. Самгаръ (въ Кураминскомъ уѣздѣ), а въ 2 часа утра, 9 августа, шайка кокандцевъ, человекъ въ 30, пробралась на огороды ходжентской уѣздной команды, но была прогнана оттуда огородниками той команды.

На разсвѣтѣ 9 августа, показавшіяся вблизи Ходжента огромныя массы кокандскихъ войскъ повели почти одновременную атаку на Ходжентъ съ трехъ сторонъ: со стороны садовъ по дорогѣ изъ Кокана, со стороны селенія Самгаръ на мостъ и со стороны Наусскихъ воротъ.

Части войскъ, выставленныя по первоначальной диспозиціи у садовъ, были немедленно усилены и командованіе ими поручено полковнику Савримовичу. Прибывъ на мѣсто, полковникъ Савримовичъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе и оттѣснилъ нападавшаго непріятеля, приблизительно въ числѣ 10 тыс. человекъ, далеко за сады по кокандской дорогѣ. Одновременно съ этимъ, непріятельская кавалерія, въ числѣ около 10 тыс. человекъ, устремилась на мостъ черезъ Сыръ-дарью, но здѣсь была встрѣчена сильнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи. Нѣсколько удачно пущенныхъ гранатъ и мѣткій огонь пѣхоты заставилъ непріятеля отхлынуть отъ моста и отступить. Къ третьему пункту атаки—къ Наускимъ воротамъ, былъ направленъ взводъ уѣздной команды, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Грязнова. Здѣсь всѣ окрестныя возвышенности, на сколько можно было окинуть взоромъ, были покрыты толпами кавалеріи, и взводъ, добѣжавъ до воротъ, нашелъ ихъ уже отчасти занятыми непріятелемъ. Залпомъ изъ ружей и дружнымъ ударомъ въ штыки, штабсъ-капитанъ Грязновъ выгналъ непріятеля и, занявъ ворота, расположился близъ нихъ.

Отбивъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ, войска наши остались на занятыхъ ими позиціяхъ, и въ теченіе 9 августа имѣли нѣсколько ожив-

ленныхъ перестрѣлокъ, заставившихъ непріятеля къ вечеру отступить отъ Ходжента.

Для безопасности населенія русской части города, въ случаѣ новаго нападенія, баронъ Польде распорядился перевести въ крѣпость семейства обывателей г. Ходжента и съ тѣмъ вмѣстѣ сформировалъ команду волонтеровъ изъ отставныхъ и безсрочныхъ нижнихъ чиновъ и разныхъ служащихъ у русскихъ торговцевъ; людямъ этимъ были розданы ружья и патроны.

Къ вечеру 9 августа явились въ крѣпость 14 рабочихъ со стекляннаго завода купца Исаева, находящагося въ сел. Дитнаѣ, въ 12 верстахъ отъ Ходжента. Они были атакованы майкою коканцевъ человекъ въ 300, но запершись въ жилой комнатѣ завода, эти истинно храбрѣе люди, отстрѣливались до 5 часовъ вечера и положивъ около 20 коканцевъ, отступили въ Ходжентъ. Заводъ сожженъ и имущество разграблено.

Ночь съ 9 на 10 августа прошла спокойно: 10 августа коканцы возобновили перестрѣлку у садовъ на Коканской дорогѣ, противу отряда полковника Савримовича и у Наусскихъ воротъ, но далеко не съ тою силою, какъ наканунѣ. Въ 2 часа пополудни прибыла въ Ходжентъ рота 2 линейнаго батальона и батальонный штабъ подъ командою майора Скарятинна. Отъ самаго Нау рота шла съ боемъ; на нее, вплоть до Ходжента, пасѣдали большія толпы непріятеля, всякій разъ отбрасываемыя съ большимъ урономъ.

11 августа, рано утромъ, на правомъ берегу Сыра вновь показались значительныя массы непріятеля. Посланныя для ихъ отраженія двѣ роты пѣхоты при двухъ орудіяхъ, подъ командою майора Скарятинна, перейдя въ наступленіе, опрокинули непріятеля и стали преслѣдовать его. Быстрое отступленіе и недостатокъ кавалеріи не позволили нанести непріятелю рѣшительное пораженіе.

12 августа, для окончательнаго удаленія непріятеля, рѣшено было произвести рѣшительное наступленіе къ сел. Кастакозъ, гдѣ сосредоточились главныя силы непріятеля. Наступленіе было произведено двумя колоннами; одною изъ нихъ командовалъ полковникъ Савримовичъ, а другою — подполковникъ Ефремовъ. Колонны, въ составѣ, каждая, двухъ ротъ пѣхоты, 2-хъ орудій и полсотни казаковъ, двинулись одновременно на разсвѣтѣ.

Правая сторона (Савримовича) направилась на главный отрядъ коканскихъ войскъ, подъ начальствомъ Амлякъ-Харовъ: Кури-Холь-Назара и Миръ-Ханъ-бая, въ составѣ до 15 тыс. человекъ. Войска эти, выстроившись въ восьми колоннахъ, сначала держались довольно стойко, но двѣ удачно пущенныя гранаты заставили ихъ отступить въ Кастакозъ столь поспѣшно; что часть убитыхъ осталась не по-

добранныю. Полковникъ Савримовичъ преслѣдовалъ ихъ до Кастакоза. Здѣсь коканцы заняли было опушку садовъ, но, выбитые оттуда натискомъ нашихъ стрѣлковъ, принуждены были продолжать отступленіе за Кастакозъ.

Пройдя это селеніе, отрядъ нашъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ бывшихъ у коканцевъ фалькобетовъ, сосредоточенныхъ въ одномъ пунктѣ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій прекратили огонь коканцевъ и заставили ихъ отступить въ безпорядкѣ. Преслѣдованіе продолжалось до границы, при чемъ въ плѣнъ взято 5 человѣкъ.

Дѣло полковника Савримовича началось въ 5½ час. утра и продолжалось, безъ перерыва, до 12 часовъ дня. Число убитыхъ коканцевъ опредѣлить трудно, ибо въ большинствѣ случаевъ, отступая, они успѣвали подбирать убитыхъ.

Предъ началомъ этого дѣла былъ доставленъ къ отряду ханскимъ джигитомъ — портупей-юнкеръ 2 линейнаго батальона Эйх-Гольмъ, взятый шайкою коканцевъ между Мурзарабатомъ и Ходжентомъ. Другаго же портупей-юнкера Калосовскаго, взятаго вмѣстѣ съ Эйхгольмомъ, обѣщано доставить по полученіи извѣщенія о благополучномъ доставленіи Эйхгольма.

Одновременно съ дѣйствіями правой колонны, лѣвая, подъ командою подполковника Ефремова, направилась къ селенію Исписару и здѣсь встрѣтила массы коканцевъ, разбитыхъ правою колонною. Пустивъ нѣсколько мѣткихъ гранатъ и произведя дружную атакку, подполковникъ Ефремовъ, отбросилъ скопища съ большимъ урономъ къ рѣкѣ Сыру.

Такимъ образомъ результатомъ наступленія на Кастакозъ и Исписаръ было прогнаніе коканцевъ изъ окрестностей Ходжента и преслѣдованіе ихъ до границы.

Въ тотъ же день 12 августа въ Ходжентъ вступилъ прибывшій изъ Ташкента 1 стрѣлковый батальонъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ.

Съ прогнаніемъ непріятеля отъ Ходжента и съ прибытіемъ 1-го стрѣлковаго батальона всякая опасность для жителей миновалась, и потому семейства ихъ были выведены изъ крѣпости и водворены въ своихъ домахъ.

День 13 августа начался полнымъ спокойствіемъ и жители изъ туземцевъ возвратились изъ садовъ въ Ходжентъ массами, перевезя съ собою женъ, дѣтей и имущество.

Описывая эту доблестную защиту, начальникъ уѣзда, подполковникъ баронъ Нольде, свидѣтельствуешь, что какъ войска, такъ и все населеніе Ходжента, исполняя свой долгъ воина и гражданина, вели себя со стойкостью и полнымъ самоотверженіемъ, не зная ни страха, ни утомленія нѣсколькихъ бессонныхъ ночей.

III.

Сообщаемъ ходъ дальнѣйшихъ событій, слѣдовавшихъ за удаленіемъ Худояръ-хана изъ Кокана въ предѣлы Россіи, возвращеніемъ въ Ташкентъ бывшаго въ Коканѣ нашего посольства.

Первыя извѣстія о переворотѣ въ Коканѣ достигли Ташкента въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ; ходили слухи, что Ханъ-Заде-Нассръ-Эддинъ-бекъ (старшій сынъ Худояра находился подъ арестомъ, по распоряженію главнаго руководителя возмущенія кипчака Абдурахмана-автобачи, и упорно отказывается принять коканскій престолъ при жизни своего отца, проживающаго въ русскихъ предѣлахъ, и что, вслѣдствіе того, избранъ ханомъ братъ Худояра, Султанъ-Муратъ-бекъ. Но слухи эти не подтвердились. Причиною сбивчивости первоначальныхъ свѣдѣній о коканскихъ дѣлахъ было пресѣченіе всѣхъ путей сообщенія шайками инсургентовъ и скопищами вооруженныхъ жителей, рыскавшихъ по всѣмъ направленіямъ, въ надеждѣ наткнуться на добычу и легкую поживу.

Возмущеніе въ Коканѣ произошло въ то время, когда главный начальникъ Туркестанскаго края находился въ Семирѣченской области, производи объѣздъ края. Возвратившись изъ этого путешествія, 31-го іюля, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, въ тотъ же день получилъ, съ особымъ посланцемъ, письма отъ Ханъ-Заде и отъ трехъ главныхъ предводителей возстанія (Абдурахмана-автобачи, Мулла-Исса-Ауліе и Халикъ-Назара-перваначи). Ханъ-Заде, послѣ обычныхъ привѣтствій, писалъ слѣдующее:

«Нововведенія, противныя шаріату, вводимыя отцомъ нашей милости, съ каждымъ днемъ все прибавлялись такъ что народъ коканскій не могъ болѣе переносить этого тяжелаго бремени и разомъ вышелъ изъ повиновенія. Изъ страха предъ угрожающей толпой, отецъ мой ушелъ, а по удаленіи его въ ваши предѣлы, духовенство, сановники и старшины, считая нашу милость достойной царствовать, возвели насъ на престолъ повелителей Кокана, въ добрый часъ, въ пятницу, 6-го дня реджеба. Такъ какъ, по обычаю прежнихъ хановъ, добрыя вѣсти передаются близкимъ и дальнимъ, то посылаемъ съ извѣстіемъ о великой къ вамъ Божьей милости доброжелателя нашего, Муллу-Абдуль-Керима».

— —

Помѣщаемъ переводъ письма Худояръ-хана къ туркестанскому генераль-губернатору отъ 6 реджеба 1292 г. (26 іюля 1875 г.), заключающее — послѣ обычныхъ привѣтствій — слѣдующее содержаніе:

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я имѣлъ честь увѣдомить ваше высокопревосходительство о затруднительномъ положеніи моемъ вслѣдствіе измѣны главныхъ сановниковъ ханства.

«22 іюля я рѣшился выступить изъ столицы и ожидать мятежниковъ, приближавшихся къ Кокану въ полѣ.

«Дорогіе гости мои, г. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ, а также и Мирза-Хакимъ-перваначи, выѣхали вмѣстѣ со мной, и не смотря на нѣсколько разъ повторявшееся преслѣдованіе бунтовщиковъ и перестрѣлку, не отставали отъ меня. На подобный поступокъ способны лишь русскіе; когда мои собственные приближенные, измѣняли и бѣжали, они стойко слѣдовали за мной, и не будь ихъ, быть можетъ, я не добрался бы до русской границы.

«Офицеровъ этихъ прислала мнѣ судьба, и я никогда не забуду услугу эту, оказанную мнѣ русскими людьми.

«Въ настоящее время добравшись до Ходжента, мы проживаемъ здѣсь въ полномъ спокойствіи и благополучіи подъ могущественнымъ покровительствомъ Великаго Бѣлаго Царя.

«Имѣю полную надежду, что вы старый другъ нашъ, не откажете намъ въ это время въ вашей помощи.

«Богъ милостивъ, и скоро устроитъ наше свиданіе.

«Ханство коканское и я самъ—находимся въ вашихъ рукахъ и власти».

Содержаніе письма предводителей возстанія было слѣдующее:

«Всевышній Богъ, для поддержанія государствъ, отношеній и дѣлъ людскихъ, установилъ извѣстный порядокъ. Такъ, у насъ, на примѣръ, народъ руководится и оберегается шаріатомъ и постановленіями священнаго корана. По всѣмъ книгамъ извѣстно, какъ правили могущественные и справедливые государи. Съ мусульманскаго населенія Кокана, со времени дѣдовъ и прадѣдовъ, хераджъ и танакъ, а также и другія подати, установленныя шаріатомъ, взимались по опредѣленному порядку. Такой порядокъ существовалъ со временъ Ширъ-Мухамедъ-Али-хана, и народъ, проживая въ совершенномъ спокойствіи, возносилъ благодареніе Всевышнему Творцу. По возшествіи на престолъ его высокостепенства Худояръ-хана, онъ, Худояръ-ханъ, сошелъ съ пути шаріата и переступилъ установленные предѣлы, за что его и постигло должное возмездіе. Послѣ тысячи раскаяній, онъ прибѣгъ къ защитѣ эмира Бухарскаго и былъ возстановленъ на престолѣ, съ условіемъ соблюденія постановленій шаріата. Но чрезъ нѣсколько времени, онъ снова сталъ дѣйствовать вопреки шаріату, такъ что

народъ съ трудомъ переносилъ тяжкія нововведенія и, наконецъ, не стерпѣлъ, и поднялся со всѣхъ сторонъ; но ханъ и тогда не хотѣлъ обратить на это вниманіе и еще болѣе увеличилъ притѣсненія. Не разъ его просили смягчить образъ дѣйствій, но онъ никогда не соглашался на такія просьбы. Тогда, наконецъ, народъ отвернулся отъ него, и 6-го реджеба, вмѣстѣ съ духовенствомъ и сановниками, избралъ въ ханы извѣстнаго своею религіозностью и покровительствомъ вѣры, сына Худояръ-хана, Нассръ-Эддинъ-бека. Всѣ дѣйствія, противныя шаріату, прекращены, и Нассръ-Эддинъ-бекъ обѣщался, до конца жизни своей, не переступать ни на іоту постановленій шаріата. Вотъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Дѣйствія же его высокостепенства и поступки его противъ шаріата ясны, какъ солнце. Вы сами, высокій генераль-губернаторъ, писали ему, и посылали совѣты нѣсколько разъ; поэтому мы въ подробности не вдаемся.

Сущность отвѣта туркестанскаго генераль-губернатора на эти письма извѣстна изъ телеграммы, помѣщенной въ № 177-мъ «Русскаго Инвалида».

Одновременно съ этою перепискою, подававшею сначала надежду на мирный исходъ коканскихъ дѣлъ, начали получаться съ границы тревожныя извѣстія. Прошли слухи, что въ Коканѣ объявлена священная война противъ насъ (газадъ, джихадъ); что коканскія войска собираются между Коканомъ и нашею границею, и т. п. Въ тоже время, между пограничными жителями появились письма, приглашающія мусульманъ къ единодушному дѣйствію противъ кяфировъ (невѣрныхъ), а вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе о вторженіи ко-

канскихъ шаякъ въ Кураминскій уѣздъ. Въ виду такого оборота дѣлъ, нами приняты были мѣры къ отраженію вторгнувшагося непріятеля и къ наказанію его въ собственныхъ его предѣлахъ.

Русскій Миръ 1875. № 224.

По поводу телеграммы г. туркестанскаго генераль-губернатора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

13-го ноября 1875 г.

Въ послѣднемъ номерѣ «Турк. Вѣдом.» помѣщена слѣдующая телеграмма, посланная г. начальникомъ края г. военному министру.

«По заключеніи мира и вслѣдъ за уходомъ нашихъ изъ Маргелана къ Намангану, въ восточной части ханства поднялись снова кипчаки и биргизы, съ Автобачи и Фулатъ-бекомъ во главѣ. Андиджанъ сдѣлался центромъ этого движенія. Довѣряя жителямъ, изъявившимъ покорность, я командировалъ въ Андиджанъ для ученыхъ изысканій двухъ лицъ съ прикрытіемъ преданныхъ джигитовъ. Они были свидѣтелями объявленія газавата и успѣли, защищаясь, прибыть въ Наманганъ. Я командировалъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Троцкаго для наказанія Андиджана. Пришлось отряду штурмовать городъ, защищавшійся завалами въ улицахъ, при

чемъ взято съ бою два орудія. Произведя пожаръ въ городъ и нанеся огромныя потери защитникамъ его, отрядъ возвратился, сожигая на пути кипчакскіе кишлаки. Не получая свѣдѣній изъ отряда, такъ какъ сообщенія были прерваны, я двинулся къ нему и встрѣтился съ Троцкимъ, давшимъ наканунѣ ночью хорошій урокъ кипчакамъ. Лагерь ихъ застигнуть въ располхъ; много побито непріятеля; захвачено почти все оружіе и 19 значковъ и бунчуковъ. Истинно молодецкія войска наши, отъ начальника до младшаго, вели себя героями. Мы возвратились въ Наманганъ 8-го октября. Здѣшнее кипчакское киргизское населеніе, получивъ ложное извѣстіе о гибели нашего отряда, поднялось. Теперь занимаюсь устройствомъ помѣщеній войскъ, расположенныхъ въ Наманганѣ, и усмиреніемъ возмущившихся кипчаковъ и киргизовъ. Въ отрядѣ генерала Троцкого потеря во всѣхъ дѣлахъ: 12 убитыхъ и 35 раненыхъ пѣшихъ чиновъ, 5 раненыхъ офицеровъ и 5 раненыхъ джигитовъ».

Это—телеграмма, бросающая яркій свѣтъ на современное положеніе наше въ Средней Азіи. Въ № 193 нашей газеты (16 октября) мы высказали опасеніе, что легко-достающіяся намъ побѣды не производятъ уже на туземцевъ того подавляющаго впечатлѣнія, которое, къ несчастью, считалось до сихъ поръ достаточнымъ для сохраненія нашего господства и вліянія на средне-азіатцевъ. Мы тогда же выразили сверхъ сего, опасеніе, что, по удаленіи нашихъ войскъ изъ среды населенія, только-что усмиренного, оно снова возстанетъ, и мы вынуждены будемъ занять въ странѣ множество пунктовъ, что поведетъ къ усиленію войскъ, а слѣдовательно и къ новымъ расходамъ по Туркестанскому Краю, и безъ того уже обременительнымъ для государственной казны. Телеграмма туркестанскаго генераль-губернатора, къ прискорбію, доказываетъ, что опасенія наши были основательны.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДРУГИХЪ ГАЗЕТЪ
ИЗЪ КОКАНА.

О возстаніи въ Андижанѣ.

Въ «Турк. Вѣд.» пишутъ: Въ то время, когда, въ Андижанѣ, Автобачи со своими соумышленниками снова готовился объявить газавать (войну за вѣру), изъ Маргелана отправился въ Шариханъ, Ассакѣ и Андижанъ находившійся при русскомъ отрядѣ ориенталистъ, А. Л. Куна. Цѣлью поѣздки г. Куна было собраніе статистическихъ свѣдѣній о восточной части коканскаго ханства. А. Л. Куна сопровождалъ топографъ, шт.-капитанъ Петровъ, и нѣсколько вольнонаемныхъ джигитовъ. На третій день послѣ пріѣзда въ Андижанъ г. Куна, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Какъ кажется, причиною, ускорившею взрывъ возстанія, было объявленіе ханскаго приказа о сборѣ въ Коканъ нукеровъ. Всѣ, кому приходилась очередь идти въ ханское войско, бѣжали въ горы, присоединяясь къ скопищамъ. Автобачи, еще въ то время скрывавшагося внѣ Андиждана, то на хуторѣ (раббатъ) своего тестя, то въ своемъ родномъ кипчакскомъ кышлакѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Андиждана, за Кара-Дарьею. По всему городу раздался крикъ: «газы-газы». и толпы народа, вооруженнаго чѣмъ попало, бросились на джигитовъ, находившихся при бекахъ шариханскомъ и андижанскомъ. Другая толпа кинулась на домъ, гдѣ остановились гг. Куна и Петровъ. Ворота успѣли, однако, во время затворить; джигиты г. Куна и серкера (хозяина дома, гдѣ остановился г. Куна) заслонили собою толпѣ входъ въ узкую улицу, угрожая ружьями и револьверами, и заставили отхлынуть толпу, всегда готовую на грабежъ, но очень неохотно встрѣчающуюся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною опасностью. Джигиты бековъ также успѣшно отбили первое нападеніе. Когда толпа и здѣсь отхлынула, беки прискакали со своими джигитами къ

дому, гдѣ были гг. Кунъ и Петровъ, и усиленно просили ихъ немедленно же уѣхать изъ города, увѣряя, что чрезъ нѣсколько минутъ будетъ уже поздно. Дѣйствительно, по городу не умолкали, а по временамъ слышались уже выстрѣлы. Собравшись вѣско, гг. Кунъ и Петровъ выѣхали изъ города съ револьверами наготовѣ, съ трудомъ пробираясь сквозь волнующуюся толпу и выбирая менѣе населенныя улицы. Все время, пока гг. Кунъ и Петровъ собирались въ путь, беки шариханскій и андиджанскій стояли у воротъ дома, затѣмъ поѣхали — одинъ по правую, другой — по лѣвую руку русскихъ гостей, окруживъ ихъ густою толпою своихъ джигитовъ. «Вы наши гости», говорили беки, «мы отвѣчаемъ и передъ Богомъ, и передъ ханомъ за вашу безопасность». Медленно проѣхали беки городъ, спустились въ Андиджанъ-сай, и, только отъѣхавъ верстъ 20 отъ города, объявили, что теперь можно ѣхать скорѣе, не опасаясь преслѣдованія горожанъ андиджанцевъ. Въ 2 ч. ночи, гг. Кунъ, Петровъ и сопровождавшіе ихъ беки благополучно прибыли въ русскій лагерь, расположенный у Намангана, сдѣлавъ въ одинъ день болѣе 80 верстъ кружной дороги, отъ Андиджана до Намангана.

СЪ ЗАПАДНО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ.

О движеніи китайскаго отряда.

Кувду-рода Шинненги-Ають, прибывшій 30 августа изъ селенія Швхо, объяснилъ, что китайскій отрядъ по прежнему занимаетъ пикетами мѣстности Куйтунъ и по дорогѣ къ Санза. Единичныя небольшія партіи китайцевъ производятъ объѣзды около дунганскихъ городовъ Урумчи и Манаса; но сановники никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія гадшей династіи въ дунганскихъ владѣніяхъ не предпринима-

ютъ, за что будто-бы одинъ изъ нихъ, Джин-ду-тунъ, смѣненъ съ должности пекинскимъ правительствомъ, лишенъ высшаго военнаго званія и разжалованъ въ рядовые, но по соображенію какихъ-то политическихъ видовъ не отозванъ въ Пекинъ, а оставленъ въ Гученѣ.

Приверженцы же Дзянь-дзюна-Жуна и, слѣдовательно, враги Джин-ду-туна о паденіи послѣдняго толкуютъ, что сановникъ этотъ разжалованъ какъ за нерѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ дунганъ города Урумчи, такъ и за то, что онъ съ чиновниками своими сильно обокралъ правительственную казну, требуя много денегъ на продовольствіе ввѣренной ему арміи.

Китайскій отрядъ въ Шяхо числительностію воиновъ не увеличивается и Шу-амбанъ со штабомъ своимъ продолжаетъ ежедневно выходить на барбетъ своей крѣпости и любитъся фронтовымъ обученіемъ солдатъ.

«Туркестан. Вѣдом.» сообщаютъ, что **ходжентскій уѣздный начальникъ** донесъ, что 9 октября кипчаки гор. Кокана, подстрекаемые письмомъ, полученнымъ отъ Автобачи, **возстали противъ хана Насръ-Эддина** и кинулись на его дворецъ. Ханъ отбивался три часа, но наконецъ, видя кругомъ себя всеобщую измѣну (ворота дворца были отворены мятежникамъ его придворными), бѣжалъ изъ ханства съ 70 человекъ своей свиты, оставшимися ему вѣрными. Переправившись на правый берегъ Сыръ-дарьи и освободившись этимъ отъ преслѣдованія, ханъ прибылъ въ Самгаръ (пограничный кишлакъ, находящійся въ нашихъ предѣлахъ), отдохнувши въ которомъ онъ прибылъ въ Ходжентъ.